УДК 821.111.-82.14(410)

Л.Н. Корнильева

К ВОПРОСУ О САМОБЫТНОСТИ ПОЭЗИИ САУТИ

Одной из первоочередных задач для данного исследования является обоснование неправомерности столь распространённого в отношении творчества Р. Саути подхода искать и во что бы то ни стало находить у других авторов некие «оригинальные» прототипы для созданных им произведений, тем самым выставляя поэта плагиатором, отказывая ему в наличии самобытного таланта и девальвируя художественную ценность многих созданных им баллад, поэм, стихотворений.

Несмотря на то, что в предисловиях или комментариях к своим произведениям Р. Саути преимущественно указывал, что стало их основой, а это могли быть реальные случаи из жизни, воспоминания путешественников, средневековые легенды и т. п., в критической литературе о данном поэте принято связывать появление его произведений с восхищением или недовольством Р. Саути в отношении поэзии, попавшей в поле его зрения. По мнению учёных, практикующих подобное в своих исследованиях, выходит, что творить Р. Саути побуждало либо желание подражать, либо исправлять отдельные недостатки у других авторов и показывать, как им следовало бы писать на заданную тему.

При этом, изучать влияние литературного наследия Р. Саути на творчество других литераторов как-то не повелось, хотя известностью стихи Р. Саути пользовались далеко за пределами Англии и не только у представителей романтического течения. Так, к примеру, среди эпиграфов в приключенческих романах Ф. Купера, мы, в частности, найдём и цитаты из Р. Саути, что было бы невозможно без знакомства автора с творчеством данного английского поэта. Когда в главе XVIII романа Дж. Джойса «Улисс» Молли Блум говорит «О как изливаются воды в Лахоре» (*God I wouldnt mind being a man and get up on a lovely woman O Lord what a row youre making like the jersey lily easy easy* ***O how the waters come down at Lahore***[7]), она не точно цитирует стихотворение Р. Саути «Лодорский водопад» (*'How does the Water//Come down at Lodore'*), что, безусловно, является свидетельством знания автором романа − ирландским писателем и поэтом − творчества Р. Саути. Книги, подобные работе Д. Лоу «Литературные протеже поэтов-лейкистов» (Low, Dennis. The Literary Protégées of the Lake Poets)[2] тоже большая редкость.

В результате, создаётся совершенно искажённое представление о Р. Саути, который якобы только то и делал, что непрестанно заимствовал из разных поэтов, причём делал это явно и в больших количествах. Созданный для Р. Саути ярлык плагиатора и поэта второго ряда так прижился, что уж если из-под его пера появлялась страшная баллада – то её непременно почитали имитацией «Леноры» Г. А. Бюргера, уж если в стихотворении «Моряк, который состоял на службе у работорговца» матрос, выполняя

приказ капитана, убил пленную рабыню и потом жестоко раскаялся, то это непременно являлось реминисценцией из «Сказания о старом мореходе» С. Т. Кольриджа, вследствии чего эти два совершенно несопоставимых произведения преподносятся как оригинал и несколько изменённая, якобы подогнанная Р. Саути под формат журнальной поэзии, копия. И примеров подобного рода можно назвать множество.

Против практики сравнений подобного свойства в своё время восставал и сам Р. Саути, для чего достаточно вспомнить его комментарий к рефрену *"And away! Away! Away!"* в «Талабе», где поэт довольно резко объясняет, что не откажется от какой-либо точно соответствующей предмету описания формы выражения только на том основании, что до него это сделал Бюргер, а сходство его «Старушки из Беркли» и Леноры состоит только в том, что обе они являются балладами и в обеих из них есть лошадь:

My readers will recollect the Lenora. The unwilling resemblance has been forced upon me by the subject. I could not turn aside from the road, because Burger had travelled it before. The "Old Woman of Berkley" has been foolishly called an imitation of that inimitable ballad: the likeness is of the same kind as between Macedon and Monmouth. Both are ballads, and there is a horse in both [5; 294].

Данные слова поэта очень справедливы, ведь без достаточных на то оснований выдавать его оригинальное произведение за переработанную версию чужой поэзии, действительно, неприемлемо. В этой связи ещё раз подчеркнём, что ни в коей мере не отрицается необходимость появления исследований в области компаративистики, где были бы выявлены особенности интертекстуального взаимодействия между английскими поэтами-романтиками разных поколений, только поэтами-лейкистами и т. п.

Речь идёт о недопустимой практике уподобления полных текстов произведений Р. Саути уже созданным стихам, балладам и поэмам других авторов, в результате чего значительный пласт поэзии Р. Саути получает лишь статус «адаптации». Поэтому в научной литературе о Р. Саути поэт нередко характеризуется, как откровенный плагиатор, поэт второго ряда и неравноправный член триумвирата озёрных поэтов.

Из великого множества подобных работ представляется наиболее целесообразным выделить и проанализировать публикацию М. Якобус «Чем Саути обязан «Лирическим балладам»[1; 20-36]. В ней, с целью обличить «плагиатора», исследовательницей были воедино соединены факт знакомства Р. Саути со сборником «Лирические баллады» (1798) У. Вордсворта и С. Т. Кольриджа до его публикации, стеснённость Р. Саути в средствах и его огромное желание печататься, очень компактный и невероятно продуктивный (тем более по оценке самого поэта) период в творчестве Р. Саути, а также присущая данному поэту способность безошибочно определять, какие темы и сюжеты будут популярны у читателей.

В результате, М. Якобус назвала множество работ Р. Саути, написанных, по её мнению, на основе поэтического сборника «Лирические баллады». Данное исследование, являясь не первым и не единственным в своём роде, замечательно тем, что фактически перечёркивает двухлетний период творчества Р. Саути. Впоследствии, вдохновлённые её примером, другие учёные-саутоведы, такие как, к примеру, К. Смит, стали искать прямых соответствий» не только в «Лирических балладах», но и вне их, несколько дополнив результаты, полученные М. Якобус.

Поэтому в своей монографии «Дом, как конечная цель поиска:…» (“A quest for home**:** reading Robert Southey”)[3], равно как и в своих статьях для научных журналов, К. Смит неизменно приходит к выводу, что Р. Саути плагиатором всё же являлся. Заметим, что он сам себе противоречит, т. к. раскрыл и на примерах показал, что Р. Саути-поэт естественно эволюционировал до тем, которые в том числе затронуты Колриджем и Вордсвортом в «Лирических балладах». К. Смит также фиксировал факт непрерывного творческого взаимодействия между всеми тремя членами триумвирата и акцентировал то обстоятельство, что авторы «Лирических баллад» многое взяли для своего сборника из более ранних произведений Р. Саути:

Все же Саути, Кольридж (особенно) и Вордсворт, все не отказывали себе в интертекстуальном взаимодействии, которое было частью литературного процесса конца восемнадцатого столетия, и которое остается одним из главных обвинений против Саути на момент публикации Лирических Баллад.//Если Кольридж рассматривается, как тайный плагиатор, то Саути − это беззастенчивый текстовый пират. Но все трое («озёрные» поэты, члены триумвирата—Л.К.) участвовали в том естественном обмене поэтическими идеями, по крайней мере, с 1975 года, и не будет преувеличением сказать, что небольшие стихотворения Саути, особенно его посвящения, баллады и стихи о народных суевериях частично снабжают Вордсворта и Кольриджа образцами для их совместной работы над Лирическими Балладами [3; 267].

Тем не менее, в статье К. Смита «Роберт Саути и появление «Лирических баллад»» (Robert Southey and the Emergence of Lyrical Ballads), якобы заимствованные Р. Саути произведения, подаются уже отдельным списком [3*]*.

К примеру, очень замысловато структурированное автобиографическое стихотворение публицистического характера С. Т. Кольриджа «Полуночный мороз» (Frost at Midnight) сравнивается со стихотворением «Вечер» (Night) Р. Саути, сходство с которым, на наш взгляд, состоит только в одном − в обоих стихотворениях присутствует тёмное время суток.

У С. Т. Кольриджа стихотворение открывает сцена, в которой описывается, как сам автор морозной зимней ночью сидит у камина в своей гостиной, а рядом с ним мирно посапывает его ребёнок. От описаний, в которых угадывается коттедж С. Т. Кольриджа в Стоуи, повествование

возвращает читателя к детским годам автора, воспоминания о которых тесно связаны с его пребыванием в Крайстс Хоспитэл и Оттери. Затем мечты Кольриджа обращаются к будущему его собственного сына, которое видится ему радостным, благословенным Богом и отмеченным органичным единством с природой. Кроме того, описание зимней ночи, когда вокруг всё так волшебно и так тихо, напоминает знакомый каждому британцу рождественский гимн «Тихая ночь, священная ночь» (*Silent night, holy night*):

Silent night, holy night!//All is calm, all is bright,//Round you Virgin mother and child.//Holy Infant so tender and mild,//Sleep in heavenly peace,//Sleep in heavenly peace.

В произведении С. Т. Кольриджа изначально присутствовал ещё и образ матери с младенцем на руках[i], что усиливало рождественские аллюзии, однако строки эти впоследствии были автором удалены по причине того, что они нарушали структуру рондо. Однако надо признать, что и без них Кольриджу удалось создать у читателя впечатление «дома, милого дома», которое, вопреки собственным несчастливым воспоминаниям, он так хотел донести до читателя и сделать былью для своего сына.

Подобной цели в стихотворении «Вечер» Р. Саути перед собой не ставил, описывая умиротворение вечерних часов и сравнивая вечер с закатом человеческой жизни. И даже по стилистике в этих двух произведениях сходства мало. Тем не менее, произведение Р. Саути записано в кальки, чего не должно быть в принципе.

Ведь если следовать такой логике, то тогда, к примеру, поэма Р. Саути «Мэри, служанка постоялого двора» и пушкинская сказка «Жених» тоже будут восприниматься как оригинал и переработанная версия одного и того же произведения. Ведь если так судить, то две незамужние девушки, Мэри и Наташа соответственно, совершенно случайно, вдали от дома, стали свидетелями убийства людей, что стало у них обеих причиной глубокого психологического потрясения. Кроме того, убийцами были молодые люди, которые впоследствии могли стать их мужьями, т. к. Мэри уже была помолвлена, а к Наташе посватались вскоре после расправы, которую она подсмотрела. И у Р. Саути и у А. С. Пушкина убийцы понесли заслуженное наказание и были казнены.

Таким образом, данный список лишь на первый взгляд может показаься основательным по своей сути. Сделав его отправной точкой для исследования, можно убедиться в том, что названные произведения объединяются на недостаточном или отсутствующем вовсе основании, и что автор, кроме того, переговаривает полученные М. Якобус результаты. Назвав, как собственные, некоторые параллели между произведениями поэтов-лейкистов, К. Смит упустил из виду то, что М. Якобус об этом уже рассказала.

Её исследование очень схематично и часто найденные исследовательницей «произведения-двойники» характеризуются лишь

несколькими строчками, однако разработанная ею методика доказательства «явного плагиата» Р. Саути, действительно, работает безотказно.

Так, к примеру, когда исследуемая поэзия «озёрных поэтов» похожа крайне мало, а, правильнее сказать, не обнаруживает никакого сходства вовсе, она отмечает, что Р. Саути просто исправил то, что изначально не нравилось ему в цитируемых «Лирических балладах». Если некое сходство между двумя произведениями, пусть даже и в отдельно взятом аспекте, но всё же существует, М. Якобус делает вывод о том, что Р. Саути снизил возвышенное и более сложно написанное произведение Вордсворта или Кольриджа до уровня журнальной поэзии:

Адаптация Саути материала из Лирических Баллад является, всё же, двух сортов. Несмотря на наличие доказательств явного подобия его «Разрушенного Коттеджа», нужно признать, что его (Саути—Л.К.) другие заимствования представляют преднамеренную попытку исправить то, что он раскритиковал в своей рецензии. В некоторых случаях, стихи из Лирических Баллад возвращены решительным образом к уровню журнальной поэзии, от которой их ранее подняли, лишены их новой тематической глубины и изощренности рассказа. В других случаях, то, что является идеосинкразическим или волнующим в поэзии Вордсворта и Кольриджа, заменено актуальным или гуманитарным интересом довольно прямолинейного свойства: стихи становятся не просто более поверхностными, но и более общедоступными [1; 24].

В результате, оригинальные произведения Саути, который называется не иначе, как «плагиатор», выставляются лишь как жалкие копии. Так случилось, к примеру, и с написанной Р. Саути в 1798 г. в Уестбери балладой «Моряк, который состоял на службе в работорговле», впоследствии вошедшей в его сборник «Стихотворения» (1799). Эта баллада признана исследовательницей ответом Р. Саути на произведение С. Т. Кольриджа «Сказание о старом мореходе», которое было написано поэтом зимой 1797-весной 1798гг. и вошло в сборник «Лирические баллады». Её аргументация заключается в том, что всё мистическое, надприродное, потустороннее, что, согласно нелестной публикации Р. Саути о «Лирических балладах» так ему не понравилось в этом произведении С. Т. Кольриджа, было самим им заменено на вполне очевидную манифестацию душевных мучений и раскаяния убийцы.

Таким образом, очень объёмное, состоящее из семи частей произведение С. Т. Кольриджа, в котором отдельного изучения заслуживает переданная поэтом игра света, особенности использованной им звукописи, способы передачи не поддающихся разумному объяснению явлений, сложная образная структура, точность и реалистичность передачи мелких деталей даже в вымышленных сценах и т. п. считается «оригиналом» произведения всего лишь из 27 лапидарных четверостиший, в котором ничего подобного

нет и которое, к тому же, по утверждению самого Р. Саути в предисловии, основывается на совершенно реальных событиях:

In September, 1798, a dissenting minister of Bristol discovered a sailor in the neighbourhood of that city, groaning and praying in a hovel.The circumstance that occasioned his agony of mind is detailed in the annexed ballad, without the slightest addition or alteration. By presenting it as a poem, the story is made more public; and such stories ought to be made as public as possible[6; 206].

Получается, что баллада Р. Саути «Моряк, который состоял на службе работорговли» записана М. Якобус в «кальки» «Сказания о старом мореходе» С. Т. Кольриджа преимущественно только на том основании, что в обоих произведениях моряки совершили убийство и впоследствии в этом раскаялись. При этом сам характер и обстоятельства убийства, вероятно, отошли на второй план, хотя мореход у Кольриджа бесцельно убил альбатроса – птицу, которая принесла кораблю избавление из тисков льда, что и стало причиной несчастий и страданий, постигших не только убийцу, но и всю команду. У Р. Саути это был моряк, который против своей воли, по приказу и под наблюдением капитана судна, забил до смерти захваченную в рабство женщину только за то, что она отказывалась от еды, впоследствии спровоцировав психический срыв и агонию у её палача.

В этой связи следует также отметить, что от внимания тех, кто, основываясь на наличии отдельных схожих черт, склонен уподоблять произведения целиком, видимо как-то укрылось то обстоятельство, что в поэме Саути «Талаба-Разрушитель», к примеру, есть эпизод, в котором по наущению коварного колдуна, принявшего обличье странствующего старца, Талаба перерезал горло верблюду, о чём сразу же стал сожалеть:

Then from his girdle Thalaba took the knife//With stern compassion, and from side to side//Across the Camel`s throat//Drew deep the crooked blade*. Servant of man, that merciful deed//Forever ends thy suffering; but what doom//Waits thy deliverer?* ***"Little will thy death//Avail us!"*** *[4; 260]*

(Thalaba the Destroyer)

Да и страдания двух попутчиков от жажды в знойной пустыне, изображённые в этом произведении Р. Саути, весьма напоминают муки матросов от отсутствия пресной воды в «Сказании о старом мореходе»:

Who that beheld thy venerable face,//Thy features stiff with suffering, the dry lips,//The feverish eyes, could deem that all within//Was magic ease, and fearlessness secure,//And wiles of hellish import?<…> The youth`s parch`d lips were black,//His tongue was dry and rough,//His eyeballs red with heat.//Lobaba gazed on him with looks//That seem`d to speak of pity,… [4; 260].

(Thalaba the Destroyer)

Согласно их теории данное сходство вполне могло бы стать основанием для выводов о близости текстов «Талабы-Разрушителя» и

«Сказания о старом мореходе» С. Т. Кольриджа, взятых целиком, что, безусловно, недопустимо. А ведь в списках «заимствований» Р. Саути из С. Т. Кольриджа и У. Вордсворта часто значатся произведения, в которых сходства ещё меньше.

Подчеркнём, что отдельно взятые образы, мотивы, эпизоды и т. п. не являются основанием для выводов о близости целых произведений. «Жизнь Нельсона» Р. Саути, написанную в прозе, мы не станем сравнивать со «Сказанием о старом мореходе» С. Т. Кольриджа на том лишь основании, что биография адмирала содержит в себе рассказ, как однажды моряк лишил жизни ни в чём не повинное животное, а мудрая природа не замедлила отомстить. Речь идёт об эпизоде из юношеских лет будущего адмирала Нельсона, когда он, находясь в шлюпке с другими матросами, стал свидетелем того, как один из его товарищей убил моржа. В результате, стая моржей, дабы отомстить за потерю, атаковала шлюпку. Это бессмысленное убийство чуть не стоило всем им жизни.

Однако, не уподобляя друг другу тексты двух невероятно разных произведений, можно осуществить их литературоведческий анализ, призванный показать, что не зря «озёрные поэты» были объединены в одну школу, что в ряде случаев их литературное наследие перекликается, оставаясь при этом оригинальным и самобытным.

Литература

1. Jacobus, Mary. Southey's Debt to Lyrical Ballads (1798). – The Review of English Studies, New Series, Vol. 22, No. 85. (Feb., 1971). – pp. 20-36.
2. Low, Dennis. The Literary Protégées of the Lake Poets. − Aldershot: Ashgate, 2006. − 202 p.
3. Smith, Christopher J. P. A quest for home**:** reading Robert Southey. − Liverpool: Liverpool University Press, 1997. − 372p.
4. Southey, Charles Cuthbert(ed.). The life and correspondence of Robert Southey. − New York: Harper & Brothers, 1849. − 579 p.
5. Southey, Robert. The Poetical Works of Robert Southey. Ten Volumes in One. – New York: D.Appleton & Co.,1839. – 810 p.
6. Southey, Robert. Joan of Arc, Ballads, Lyrics and Minor Poems. [Электронный ресурс] www.joanofarcballads00soutrich.pdf
7. Ulysses by James Joyce.[Электронный ресурс] http://[Электронный ресурс] www.public-domain-content.com/books/Ulysses/C18P6.shtml

Анотація

Не зважаючи на те, що саме Сауті реформував та збагатив систему версифікації, його поетичні праці зазвичай розглядаються, як менш значущі у порівнянні з творами двох інших поетів «озерної школи». Однак, крім того, віршам Сауті часто відмовляють навіть в автентичності, вважаючи їх лише копіями. Попри те, що сам Сауті у передмові до своїх поетичних творів зазначав, яка історична подія, середньовічна легенда, незвичайна подія, фольклорна оповідь, правдива історія, тощо надихнули його на написання

власного твору, критики все ж таки шукали і знаходили «оригінал», котрий Сауті, як вони вважали, просто скопіював. Подібний підхід у відношенні Сауті є дуже популярним, однак, як це продемонстровано у статті, безпідставний, упереджений та цілком і повністю хибний.

***Ключові слова*:** Сауті, «Ліричні балади», «озерна школа», автентичність, самобутність.

Аннотация

Несмотря на то, что именно Саути реформировал и обогатил систему стихосложения, его поэтические труды часто рассматриваются, как менее значимые в сравнении с произведениями, написанными двумя другими «озёрными поэтами». Но, кроме того, стихам Саути обычно отказывают в аутентичности, почитая их лишь копиями. Даже если в предисловии к своему стихотворению Роберт Саути указывал, какое историческое событие, средневековая легенда, странный случай, фольклорное сказание, правдивая история и т.п. побудила его к написанию собственного произведения, критики всё равно отыскивали некий «оригинал», который Саути, по их мнению, скопировал. Такой подход в отношении Саути очень популярен, но, как это показано в статье, он безосновательный, необъективный и целиком и полностью ошибочный.

***Ключевые слова*:** Саути, «Лирические баллады», «озёрная школа», аутентичность, самобытность.

Summary

Despite the fact that it was Southey who reformed and enriched the system of versification, Southey's poetical works have often been regarded as inferior to those written by the two other "lake poets". But what is more Southey's verse is usually denied any authenticity, too often labeled as a copy. Even if Robert Southey clearly indicated in the preface to his work what historical event, medieval legend, strange occurrence, folk tale, true story etc. inspired him to begin writing, critics would still find a certain "original" that the poet must have copied. This approach towards Southey is very popular, but, as it is revealed in the article, groundless, biased and totally wrong.

***Key words*:** Southey, "Lyrical Ballads", Lake School, authenticity, originality.